

Страницы изъ годовъ моей жизни.

(Проекты памятниковъ Ломоносову и Островскому).

Вромъ инициативы сооруженія памятника Императрицѣ Екатеринѣ II въ Одессѣ, мною было предложены на обсужденіе въ „Русской Старинѣ“ (сентябрь 1889 г.) еще проекты памятниковъ, ожидающимъ своей очереди славнымъ дѣятелямъ русскимъ, а именно: въ Петербургѣ—Ломоносову, а въ Москвѣ—Островскому.

По поводу перваго изъ нихъ у меня возникла даже не безъинтересная переписка съ извѣстнымъ въ то время общественнымъ дѣятелемъ, гласнымъ с.-петербургской думы, тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Домонтовичемъ. Вотъ что было у меня напечатано по этому поводу:

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ с.-петербургская дума постановила наименовать садъ у Чернышева моста—Ломоносовскимъ. (Здѣсь редакторъ-издатель „Русской Старины“ Мих. Ив. Семевскій дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Съ удовольствіемъ вспоминаемъ, что это наименованіе дано красивому этому садику—по нашему предложенію, сдѣланному нами, какъ гласнымъ спб. городской думы, въ одномъ изъ ея засѣданій. Кстати замѣтить, что слѣдовало бы этотъ садикъ нѣсколько расширить, такъ какъ размѣръ площади и объѣздовъ вокругъ садика вполне это допускаетъ“. Ред.). Съ тѣхъ поръ прошло не мало времени, и Петербургъ, гдѣ протекла благотворная для Россіи дѣятельность великаго Ломоносова, гдѣ покоится прахъ его и откуда по словамъ поэта:

„Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ“,—

не сдѣлалъ ничего болѣе для увѣковѣченія памяти могучаго русскаго генія, одно имя котораго есть русское народное знамя въ области мысли, слова и науки и у котораго по словамъ другого поэта:

„Какъ Русь сама, широкъ былъ геній
И всеобъемлющъ умъ его,
И на листахъ его твореній
Не позабыто ничего“...

Было бы, поистинѣ, не достойно столицы и внушало бы глубокое сожалѣнiе, если бы такое, болѣе чѣмъ скромное, отношенiе ея къ памяти Ломоносова тѣмъ только и ограничилось. Удачно положенное начало, напротивъ того, вызываетъ невольно на мысль о довершенiи дѣла постановкой подобающаго ему памятника. Мѣстомъ для такого памятника могъ бы послужить тотъ же переименованный садикъ. Здѣсь, въ виду Министерства Народнаго Просвѣщенiя, общества русскихъ литераторовъ и географическаго, 6-ой гимназiи, вблизи коммерческихъ училищъ, двухъ театровъ, народнаго апраксинскаго училища, консерваторiи, театрального училища и, наконецъ, того управленiя, которое, по словамъ указа, подписаннымъ Царемъ-Освободителемъ въ день столѣтняго поминовенiя Ломоносова 6 апрѣля 1865 г. (въ самый день св. Пасхи), имѣло прямою цѣлью „дать отечественной печати возможныя облегченiя и удобства“ — было бы совсѣмъ кстати возвышаться и памятнику родоначальника русскаго творчества“—Что касается до воспроизведенiя самого памятника, то, выражая пожеланiя, чтобы онъ не походилъ ни на Архангельскiй, ни на Московскiй, я указываю на то, что наиболѣе подходящею моделью для памятника Ломоносова могла бы послужить та картина Венеціанова, въ которой художникъ изобразилъ его молодымъ рыбакомъ, обувающимся въ лапотъ и готовящимся покинуть родину и идти въ далекий путь для выполненiя своего призванiя. Развивая далѣе эту мысль, я заключаю мою статью слѣдующими словами: „Вотъ настоящiй Ломоносовъ, пластическое олицетворенiе генія въ своемъ первобытномъ, народномъ образѣ, и вотъ какого памятника недостаетъ ему, чтобы полюбитъ всѣмъ отъ мала до велика и стать такимъ же популярнымъ, какъ теперь безподобный памятникъ „дѣдушки Крылова“. Оригиналъ упомянутой

картины находится въ Эрмитажѣ. Для полнаго впечатлѣнія, эффекта и контраста ради, можно было бы вставить въ пьедесталь памятника еще и бюстъ его же, Ломоносова, въ томъ его изображеніи, въ какомъ онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ впоследствии, по достиженіи апогея своей славы; но основная фигура памятника, казалось бы, должна быть непременно взята цѣликомъ съ картины Венеціанова“.

По поводу этой статьи моей, какъ я уже сказалъ, у меня завязалась переписка съ И. И. Домонтовичемъ, два письма котораго уцѣлѣли въ моихъ бумагахъ. Привожу ихъ здѣсь цѣликомъ:

Письмо 1-е

М. Г. А. Е.

За много лѣтъ предъ симъ заявлена была мною въ Петербургской Думѣ мысль о постановкѣ въ Александровскомъ нашемъ саду бюстовъ знаменитыхъ русскихъ писателей и др. дѣятелей. Она принята была всѣми благосклонно, но въ исполненіи должна была приостановиться по недостатку свободныхъ денежныхъ средствъ. Къ счастью, въ нынѣшнемъ году (6 февраля) Дума нашла возможнымъ назначить сумму на постановку еще одного бюста: бюста Ломоносова въ садикѣ его имени. Это назначеніе, меня порадовавшее, доставило мнѣ и пріятный случай получить сочувственное письмо Ваше отъ 12 февраля. Благодарю Васъ за сдѣланное Вами указаніе на статью Вашу о проектѣ памятника, помѣщенную въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1889 г. Съ полнымъ сочувствіемъ къ ревнителю такой идеи, какъ памятникъ Ломоносову, я прочиталъ статью Вашу съ полнымъ вниманіемъ. По прочтеніи отправился въ Эрмитажъ посмотрѣть картину Венеціанова. На вопросъ мой, гдѣ виситъ эта картина, эрмитажный придворный служитель отвѣтилъ мнѣ сначала, что такой картины нѣтъ, а потомъ прибавилъ, что называютъ нѣкоторые Ломоносовымъ нарисованнаго Венеціановымъ мальчика, и указалъ мнѣ на эту небольшую картину, писанную масляными красками. По выраженію лица мальчика я убѣдился, что это та самая картина, на которую Вы указываете въ Вашей статьѣ—удачный идеальный портретъ Ломоносова-отрока въ деревенскомъ быту.

За что же считаютъ эту картину въ Эрмитажѣ? Оказалось, что въ печатномъ каталогѣ эрмитажной галлерей русской школы (2 изд. СПб. 1890) она показана такъ: „№ 1573. Молодой русскій крестьянинъ. На немъ бѣлая рубашка и холщевые штаны. Онъ сидитъ въ деревенской комнатѣ на сундукѣ и надѣваетъ лапти. Возлѣ него

на бочкѣ шапка и рукавицы. Вдали сѣрый занавѣсъ, висящій на веревкѣ“. При этомъ объяснено, что картина Венеціанова имѣеть въ длину $8\frac{1}{2}$, въ ширину $6\frac{3}{8}$ вершка.

Потомъ видѣлъ я литографію съ этой картины, помѣщенную въ извѣстномъ литографированномъ изданіи эрмитажной галлерей, издававшемся французомъ Paul Petit въ СПетербургѣ въ 50-хъ или 60-хъ годахъ. На литографіи сверху надпись: Vénétsianoff, а внизу: Paysan russe. Крестьянскій мальчикъ.

Нигдѣ имени Ломоносова не приведено, и эрмитажный надсмотрщикъ повидимому не вѣритъ, чтобы это былъ портретъ Ломоносова. Интересно бы знать, сохранилось ли это преданіе только изустно, или есть печатныя на него указанія. Не припомните ли Вы, какимъ путемъ оно до Васъ дошло; не случалось ли Вамъ читать о немъ въ какихъ-либо статьяхъ, касающихся Ломоносова, Венеціанова и т. п., куда оно могло хотя-бы случайно попасть.

Въ статьѣ Вашей приведено два отрывка изъ стихотворенія о Ломоносовѣ: одинъ (Свѣтильникъ...) въ 3 строки, другой (Какъ Русь...) въ 4 строки. Весьма обяжать изволите, если сообщите имена авторовъ и самыя заглавія стихотвореній.

Благодарю вновь за Ваше письмо отъ 12 февраля, прошу Васъ принять увѣреніе и проч. Ив. Домонтовичъ. 7 марта 1891.

Письмо 2-е.

25 марта 1891.

М. Г. А. Е.

Городская Управа, желая ускорить составленіемъ рисунка для сооруженія бюста Ломоносова въ скверѣ, обратилась ко мнѣ съ просьбой указать на то, какіе по мнѣнію моему стихи помѣстить на пьедесталѣ.

Мнѣ бы казались очень соотвѣтственными стихи, приведенные въ Вашей статьѣ о памятникѣ Ломоносову („Рус. Старина“ сентябрь 1889 г.).

Какъ Русь сама широкъ былъ геній
И всеобъемлющъ умъ его,
И на листахъ его твореній
Не забыто ничего...

Но нужно бы подписать подъ ними имя автора, а отыскать его не могу. Перелистовалъ Пушкина, но стиховъ этихъ у него не нашель; спрашивалъ лично у Аполлона Ник. Майкова, онъ очень ихъ одобряетъ, но говоритъ, что не онъ ихъ авторъ, и думаетъ,

что не написалъ ли ихъ Хомяковъ. Не изволите ли припомнить имя автора и самое заглавіе стихотворенія; если можно, хотѣлось бы указать Управѣ и на книгу, въ которой оно помѣщено.

Прошу принять увѣреніе и проч.

Иванъ Домонтовичъ.

Въ отвѣтныхъ письмахъ моихъ почтенному петербургскому общественному дѣятелю, я далъ требуемыя имъ свѣдѣнія какъ относительно картины Венеціанова, такъ и относительно стиховъ, приведенныхъ въ моей статьѣ. О первой я сообщилъ ему, что приписываемое на ней по преданію изображеніе Ломоносова-отрока извѣстно было мнѣ давно, при частыхъ посѣщеніяхъ моихъ Эрмитажа отъ завѣдывавшаго въ ту пору отдѣломъ русской школы, гдѣ эта картина находится; что же касается стиховъ, то они были заимствованы мной изъ „Описанія празднества, бывшаго въ С.-Петербургѣ 6—9 апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова“, составленнаго П. Мельниковымъ и изданнаго Ломоносовскимъ комитетомъ для продажи въ пользу Ломоносовскаго капитала на учрежденіе стипендій и проч. (СПБ., 1865 г. типогр. „Общественная польза“, 6 стран. in gr. folio) и принадлежатъ стихи эти М. П. Розенгейму, прочитаны же они были на торжествѣ И. А. Гончаровымъ.

Памятникъ Ломоносову красуется въ настоящее время въ скверѣ его имени въ Петербургѣ, но скомпонованъ онъ наоборотъ того, какъ я предлагалъ: фигура Ломоносова-отрока изображена въ медальонѣ, вставленномъ въ пьедесталъ, а на верху послѣдняго поставленъ бюстъ писателя, гдѣ онъ изображенъ въ непонятномъ для простолюдина видѣ—парикъ и французскомъ костюмѣ той эпохи, вслѣдствіе чего о популярности и значенія его среди народа не можетъ быть и рѣчи. Въ то же время и стихотвореніе для памятника, столь понравившееся Домонтовичу и Майкову, было замѣнено инымъ — Пушкинскимъ:

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря,
Мальчикъ отцу помогалъ и проч.

Относительно памятника А. Н. Островскому, я выразилъ въ проектѣ моемъ слѣдующія основныя мысли:

1) памятникъ Островскому долженъ быть воздвигнутъ въ Москвѣ, и мѣстомъ для него должна быть избрана та часть первопрестольной, откуда почерпалъ свои безсмертные типы покойный драматургъ, т. е. Замоскворѣчіе;

2) считая выраженіе народной признательности къ заслугамъ покойнаго писателя въ видѣ театра-памятника наиболѣе подходящей и желательной, думаю, что всякая иная форма не могла бы болѣе удачно увѣковѣчить его память;

3) чтобы этотъ театр-памятникъ былъ въ стилѣ русской архитектуры, чтобы въ немъ, какъ въ музеѣ, было собрано все, что имѣетъ отношеніе къ тому, въ честь котораго онъ сооруженъ и именемъ котораго онъ долженъ называться и

4) чтобы на сценѣ этого театра давались преимущественно пьесы Островскаго, въ которыхъ подвизались бы и развивали свой талантъ русскіе молодые даровитые артисты и т. д.

Съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что до настоящаго времени Островскому нѣтъ памятника, хотя въ какой-то газетѣ я случайно прочелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что въ Комитетѣ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, на сооруженіе памятника въ Москвѣ А. Н. Островскому собрано денежныхъ пожертвованій по 1 января 1891 года—9.781 р. 89 к. Съ тѣхъ поръ нигдѣ ничего не слышно о томъ, какъ подвигается это дѣло, и только недавно припомнили и заговорили газеты объ Островскомъ по случаю найденнаго дома рожденія его въ Москвѣ и прибитія на этомъ домѣ мраморной доски съ соотвѣтствующей надписью. Увы! Туги и неповоротливы русскіе люди къ увѣковѣченію памяти великихъ представителей отечественной литературы, науки и искусства!..

Анатолій Егоровъ.

